

Дискуссионная трибуна

Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты

© 2018

М.С. Михалев

В статье предпринята попытка осмысления трансграничного района, прилегающего к российско-китайской границе, в качестве самостоятельного региона, обладающего особой субъектностью. Делается вывод о том, что он представляет собой последовательность буферных зон, образовавшихся вдоль линии разграничения либо вследствие целенаправленной политики одной из сторон, либо помимо их воли, в результате действий самих жителей приграничья. Эти буферные зоны не являются пустотами в полном понимании этого слова, ибо их культурное и социальное наполнение обеспечивают представители коренных малых народов региона. Именно они выступают гарантами мирного контакта двух крупнейших государств Евразии.

Ключевые слова: Китай, государственная граница, трансграничье, коренные народы, буферные зоны.

DOI: 10.31857/S013128120002696-6

Трансграничье России и Китая: потребность в антропологическом осмыслении

В то время как любая трансграничная территория является, в той или иной степени, особенной, границу Китая и России и прилегающие к ней районы можно с полным основанием назвать уникальным географическим и культурно-историческим феноменом. Несмотря на почти двукратное сокращение, вызванное распадом СССР и появлением новых государств, и, как следствие, новых границ в Центральной Азии, зона разграничения двух этих стран до сих пор поражает воображение и своей протяженностью, и разнообразием заключенных в ней природных и культурных ландшафтов¹. Велико также и ее геополитическое значение. По крайней мере, в течение последних четырех столетий она служила своеобразным отражением истории всей центральной части Евразии, да и в наши дни происходящее в приграничном пространстве двух крупнейших государств континента во многом формирует его повестку дня. Стоит отметить, что граница России и Китая много раз становилась ареной драматических коллизий и знала как моменты кон-

Михалев Максим Сергеевич, кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com.

фронтации, так и времена плодотворного, взаимовыгодного сотрудничества. При этом она не только отражала тенденции внешнеполитического курса, формируемого в столицах двух стран, или, к примеру, динамику постепенно изменяющегося соотношения их экономического и военно-политического веса: иногда именно ситуация в зоне соприкосновения сама определяла характер отношений между двумя государствами².

Не вызывает сомнения, что понимание природы социально-экономических процессов, протекающих в районах, непосредственно прилегающих к границе РФ и КНР, которые также называют российско-китайским трансграничьем³, всегда представляло и будет представлять немалый практический интерес. Учитывая разворот вектора российской геополитики на Восток, а также тот факт, что Китай становится нашим стратегическим партнером, не прекращая при этом оставаться нашим основным конкурентом в регионе, процессы, протекающие в приграничных районах двух крупнейших стран континента, становятся все более значимыми и требуют как можно более глубокого осмысления. Четкое понимание, достигнутое в данном вопросе, способно предотвратить рост взаимного недоверия и напряженности в будущем, свести к минимуму возможность появления ложных представлений и принятия неверных решений, а также снизить вероятность возникновения социальной и политической напряженности во взаимоотношениях между соседними государствами и даже внутри самих этих государств.

Следует отметить, что основные этапы и характер формирования российско-китайской границы тщательно изучены⁴. Нет дефицита и в научных работах, посвященных спорам, омрачавшим историю взаимоотношений двух стран на протяжении определенной части XX века⁵. Ученых также привлекает феномен стихийной торговли и вызванные им демографические процессы, ставшие характерной особенностью жизни приграничных районов России и Китая в 90-х годах прошлого столетия⁶. При этом необходимо напомнить, что в мировой науке в последние десятилетия исследования приграничных территорий, до той поры сконцентрированные, в основном, вокруг политических и экономических аспектов, а также вопросов безопасности, перешагнули рамки узкой утилитарности. Значительно расширился спектр поднимаемых иностранными исследователями вопросов, богаче стала палитра применяемых подходов. Этому, в частности, способствовало подключение к дискуссии о природе и сущности приграничных территорий представителей социальной антропологии, которые обратили внимание на символический и культурный аспект проблемы, а также на уникальную идентичность, присущую жителям районов, примыкающим к государственным границам⁷. В связи с этим вызывает сожаление, что трансграничье России и Китая как объект изучения до настоящего времени мало интересовал представителей отечественной антропологии. И это при том, что, как подчеркивают историки, «сотни тысяч китайцев в России и не меньшее количество русских в Китае привели в действие механизм установления близких отношений именно между народами двух стран»⁸. Несмотря на это, в то время как зарубежные антропологи проявляют все возрастающий интерес к ситуации в приграничных районах России и Китая⁹, в нашей стране данная тема до сих пор остается прерогативой географов, историков и представителей политических наук¹⁰.

На самом деле населяющие приграничье простые люди не являются бессловесными исполнителями тех или иных экономических или политических решений центра или пассивными жертвами географической предопределенности. Скорее, наоборот: зачастую именно их действия или настроения являются источником этих самых решений¹¹. По этой причине представляется чрезвычайно важным при изучении приграничных районов России и Китая применение именно антропологического подхода, в соответствии с которым акцент будет делаться на изучении особенностей культуры, социальной организации, характера и идентичности жителей данного региона, рассматриваемых при этом в качестве активных участников и в какой-то степени творцов межгосударственных отношений. Немаловажно, что в этом случае само российско-китайское транс-

граничье будет конструироваться как особая территория, населенная жителями приграничных районов двух стран, обладающих общими для них судьбой и характером. С одной стороны, именно наличие подобной трансграничной общности выделяет их из массы сограждан, проживающих в отдаленных от границы регионах. С другой — сближает их с обладающими теми же качествами гражданами соседнего государства. Попытка сформулировать основу формирования подобной уникальной идентичности, а также сделать предположения по поводу ее характера предпринимается в данной работе. Как представляется, в дальнейшем это может способствовать лучшему пониманию особенностей российско-китайского трансграничья, а, стало быть, прогнозированию и в какой-то степени управлению степенью и характером его влияния на отношения двух стран.

Форма: совокупность латентных буферных зон

Не секрет, что приграничные районы России и Китая довольно слабо заселены и при этом экономически не развиты¹². Одной из причин такого положения является географическая удаленность приграничных районов от крупных промышленных и культурных центров. В свою очередь, это сказывается на степени их вовлеченности в политические, экономические, культурные и социальные процессы обеих стран. При этом препятствуют полноценной интеграции приграничных территорий также особенности их физической и экономической географии. Суровый климат, присущий этим особым районам, сложный рельеф, и, как следствие, недостаток стабильных путей сообщения затрудняют коммуникацию и делают экономически невыгодным и трудноосуществимым промышленное и сельскохозяйственное освоение региона.

Подобная ситуация обуславливает недостаток внимания к региону со стороны центральных властей обеих стран. Как с некоторой обидой напоминают в связи с этим представители местной интеллигенции, «с позиции Москвы и Пекина, эти [приграничные] районы в одинаковой степени являются отсталыми, периферийными и маловлиятельными с политической и экономической точек зрения»¹³. При этом стоит отметить, что подобное отношение к отдаленным приграничным регионам выражается в России и в Китае по-разному. В то время как Москва предпочитает, несмотря ни на что, держать все нити управления в своих руках, диктуя регионам политическую волю и ограничивая их экономическую инициативу по соображениям безопасности, Пекин предоставляет своим окраинам большую самостоятельность в том, что касается проведения независимой экономической политики. С одной стороны, можно констатировать, что центральные власти КНР проводят более либеральную экономическую политику, позволяя регионам заниматься внешнеэкономической деятельностью на свое усмотрение. С другой — можно отметить, что они в то же самое время все-таки бросают их на произвол судьбы, предлагая выживать самостоятельно в жестких условиях рыночной экономики¹⁴.

Сама по себе удаленность приграничья от центра не является чем-то из ряда вон выходящим, ведь схожую ситуацию можно наблюдать и во многих других регионах мира. Уникальность же именно российско-китайского трансграничного пространства состоит в том, что оно по своей сути представляет собой не просто совокупность периферийных территорий, примыкающих к линии соприкосновения двух стран. Оно может быть описано также как совокупность пустот, или буферных зон, специально или непреднамеренно созданных вдоль границы в процессе ее определения, делимитации и демаркации. Благодаря наличию подобных буферных зон российско-китайское трансграничье не поддается четкому определению и не обладает раз и навсегда заданными пространственными характеристиками. Его скорее можно обозначить как последовательность полостей, лакун, котловин и впадин, образовавшихся в местах неплотного соприкосновения территорий двух стран, которые в настоящее время по большей части являются фантомными, а потому невидимыми невооруженным взглядом, неидентифицируемыми и не восприни-

маемыми как препятствие. Все эти пустоты могут быть в какой-то момент времени сведены к минимуму, но они никогда не могут быть устранены полностью. Они прогрессируют, регрессируют и стагнируют, и делают это безотносительно того, чем заняты породившие и приютившие их государства. В этом смысле их можно соотнести с нематериальными структурами, образующимися на поверхности тел-хозяев¹⁵.

В подобной интерпретации российско-китайское пограничье может считаться обособленным социально-культурным феноменом, и его следует рассматривать как нечто объективно существующее, возникающее, развивающееся и исчезающее в соответствии со своей собственной внутренней логикой. Другими словами, несмотря на то, что с политической точки зрения две его составляющие, безусловно, являются неотъемлемыми частями, соответственно, России и Китая, с культурной, социальной, а иногда и с экономической точки зрения оно не принадлежит ни одному из них полностью. При этом трансграничье обладает своим собственным внутренним единством, позволяющим его идентифицировать, описать и классифицировать.

Рассуждая о предпосылках формирования подобной уникальной особенности российско-китайского трансграничья, следует указать, что к появлению буферных зон на приграничной территории обеих стран иногда приводили осознанные действия Китая, а иногда — и в этом случае, как правило, неосознанно — политика России. При этом в ходе разграничения зон влияния двух стран случались и ситуации, когда буферные зоны образовывались как бы «сами по себе», независимо от желания той или иной стороны, а иногда даже и вопреки ему. Можно сказать, что они являлись выражением воли самих жителей приграничных районов. Не секрет, что правители Поднебесной рассматривали появившихся у их рубежей русских как очередную волну «северных варваров», а потому строили свои взаимоотношения с ними в соответствии с уже отработанными в данном регионе стратегиями. Одной из таких стратегий, издавна применявшейся в отношении тех «варваров», что не желали интегрироваться в китаецентричную социально-культурную и политическую модель и признавать над собой символическую власть императора, но в то же время были достаточно могущественными для того, чтобы их нельзя было привести к покорности силой, была политика *цзими буцзюэ*, или *цзими*. Она представляла собой тактику связывания сил потенциального противника за пределами империи путем создания вдоль ее границ особой буферной зоны, которая исполняла роль своеобразного «пояса безопасности»¹⁶.

В том случае, когда существовала возможность поддерживать в работоспособном состоянии подобную буферную зону за пределами империи, китайцы выбирали именно этот вариант. Так, к примеру, обстояло дело на восточном фланге российско-китайской границы, где Китай был ограничен в своем суверенитете над территорией, не вошедшей в состав России по Нерчинскому договору, он четко следовал своим обязательствам и по существу превратил Приамурье в пустынную буферную зону¹⁷. Схожая, хотя и в меньших масштабах, тактика применялась Пекином и в ходе разграничения в Центральной Азии¹⁸. В том же случае, когда возможности сформировать буферное пространство за пределами страны не оказывалось, подобная полоса отчуждения формировалась уже внутри государства. Так, Тува, которая формально являлась частью Цинской империи, фактически не осваивалась ее жителями именно потому, что она виделась китайцам буфером между их монгольскими владениями и Россией. Несколько иная ситуация сложилась в восточной части нынешней Внутренней Монголии, в Хулунбуире, который, формально являясь частью китайского государства, был ему также де-факто неподконтролен. Здесь, однако, это произошло во многом вопреки желаниям Пекина, который предпринимал неоднократные попытки инкорпорировать эту приграничную территорию в тело империи и превратить ее в подобие обычной китайской провинции. Как утверждает в своем исследовании Урбанский, достигнуть этого ему не позволили близость границы с Россией и заинтересованность последней в сохранении неопределенного статуса

Хулунбуира¹⁹. Думается, однако, что истинной причиной постигшей Китай неудачи были не происки соседей, а то, что подобное неопределенное положение устраивало самих жителей региона, а стало быть, можно говорить о том, что в данном случае буферная зона образовалась «по собственной инициативе». Подобные до конца не разграниченные, плохо освоенные и, по сути своей, ничейные территории сохранялись в пределах трансграничного пространства Китая и России вплоть до самого начала XX века, когда, наконец, была проведена линия разграничения на Памире.

Стоит упомянуть, что царское правительство и сами жители российского приграничья зачастую рассматривали линию разграничения с Китаем как относительно мирный, но все же подвижный фронт, который медленно, но верно движется в восточном направлении. Динамика взаимоотношения двух государств, одно из которых давно вступило в период упадка, а другое при этом довольно бурно развивалось, приводила к тому, что буферные зоны, которые цинское правительство предусмотрительно создавало на своих северных и западных рубежах, постепенно входили в состав России. Иногда, как это случилось с Тувой, в таком же положении оказывались и некоторые до той поры *внутренние* буферные зоны Китая. Однако после революции 1917 года в России этот процесс был в основном приостановлен, и стороны в конце концов согласовали статус-кво, который во многом продержался вплоть до наших дней. Появившиеся вслед за этим новые буферные зоны либо становились самостоятельными государствами, как это случилось с Монголией, либо постепенно, но неизбежно интегрировались в состав соответствующего государства. Именно так произошло в Синьцзяне или в том же Хулунбуире после прихода к власти коммунистического правительства во главе с Мао Цзэдуном. Схожая история наблюдалась в южных районах Алтая, центральных районах Памира и в формально независимой, но фактически являвшейся протекторатом Советского Союза Туве, которая в 1944 г. окончательно вошла в состав СССР и превратилась в автономную республику в составе РСФСР.

Однако не стоит забывать, что границы продолжают служить важными культурными и социальными водоразделами в течение очень долгого времени после того, как политики, как это им кажется, окончательно стерли их с лица земли²⁰. На самом деле и буферные зоны между государствами — даже после того, как они прекращают существование в качестве таковых с точки зрения тех же политиков или историков, — также могут становиться фантомными, оставаясь важным фактором социокультурного ландшафта. Как это хорошо понимают антропологи, которых интересуют идентичности, культурные различия, системы ценностей и модели поведения, латентные, фантомные и скрытые линии разграничения, а стало быть, и образованные ими полости, продолжают свое существование еще очень долгое время после того, как видимые линии раздела исчезают по тем или иным причинам. При этом их разрушительный (а иногда и созидательный) потенциал, незаметный для всех остальных, продолжает оставаться очень существенным, и может проявить себя в действии в любой, самый неожиданный момент.

Как представляется, именно наличие подобных фантомных буферных зон практически на всем протяжении современной российско-китайской границы до сих пор служит одним из тех факторов, что способствуют предотвращению прямой конфронтации между странами, и в то же время является ее важнейшей особенностью. При этом их в настоящее время скрытый, латентный характер лишь усиливает данный эффект, умело маскируя эти особенные объекты на карте страны и отвлекая от них внимание политиков по обе стороны границы. В противном случае, они предпринимали бы гораздо больше усилий по их окончательной интеграции в единое тело страны. Последствия этих шагов, на самом деле, могли быть непредсказуемыми и способными привести к утрате российско-китайским трансграничьем своего мирного характера и уникальной структуры.

Содержание: этническая «цитоплазма»

Еще одной важной особенностью российско-китайского трансграничья в том виде, в котором оно нам известно, является то, что его формирование происходило в так называемой контактной зоне, этнический состав которой существенно отличался от того, что был присущ центральным районам обеих стран²¹. В научной среде по этому поводу распространено мнение, согласно которому в процессе разграничения сфер влияния и проведения пограничных линий между Россией и Китаем власти обеих стран практически не принимали в расчет мнение тех народов, по землям которых они проходило, преследуя при этом лишь собственные политические и экономические цели. Роль же самих коренных народов региона была пассивна, а потому их можно считать жертвами колониальной политики²². Интересно, что подобного мнения придерживаются не только представители рефлексирующей части интеллигенции тех самых народов, по землям которых прошла в итоге российско-китайская граница, или зарубежные исследователи, никогда не испытывавшие особых симпатий к России. Его разделяют и многие российские исследователи²³.

Между тем, как показал Салинс²⁴, в динамичной и неоднозначной среде любого трансграничья нередки ситуации, когда незначительные различия и противоречия, подспудно или открыто проявляющиеся в отношениях приграничных местных сообществ между собой, вынуждают инкорпорирующие их в свой состав государства проводить линии разграничения там, где они уже давно существуют на локальном уровне. В таких случаях центральные власти, претендующие на суверенитет над той или иной территорией, вынуждены учитывать особенности местного культурного, этнического и политического ландшафта, превращая их в составную часть ландшафта общенационального. Несмотря на то, что иногда утверждают, будто российско-китайское разграничение в Восточной Сибири разрезало на части единый прежде монгольский мир, различия и противоречия между собственно монголами и бурятами существовали здесь задолго до того, как в эти края пришли и русские, и китайцы. Разграничение между двумя внешними игроками оказалась при этом удобным поводом для самих местных жителей, позволив им придать официальную форму существовавшему задолго до делимитации границ разделению. Не менее характерным является и пример с Тувинской автономной республикой (ныне Республика Тыва), которая вошла в состав СССР во многом по причине противоречивых отношений с близкой в этническом и культурном отношении Монголией. Тот факт, что отдельные группы приграничных народов оказались при этом по разные стороны государственного рубежа, как это случилось, например, с тувинцами или казахами на Алтае, является всего лишь следствием того, что официальная граница во многих местах проходила по районам, где наблюдалось чересполосное проживание различных этнических групп. Этот фактор, в свою очередь, практически невозможно учесть в условиях официальной демаркации рубежей двух стран, при которой незыблемость политических линий разграничения накладывается на текучесть этнических водоразделов²⁵.

Участие коренных народов региона в процессе формирования границы не ограничивалось их влиянием на ее окончательный рисунок посредством наложения на него различий, существовавших между отдельными этническими группами и подгруппами в районе соприкосновения сфер влияния России и Китая. С одной стороны, и китайцы, и русские довольно активно использовали «национальный вопрос» в ходе переговоров между собой, охотно апеллируя к историческим прецедентам или пытаясь заручиться моральной или даже военной поддержкой коренных народов формировавшегося трансграничного пространства. Так, к примеру, описывается процесс разграничения, проходивший в Центральной Азии: «...стороны [...] повели разговор о подданстве пограничных народов — тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов и других. Цинские представители заявили, что все казахи и киргизы суть подданные богдыхана — “иско-

ни принадлежат Китаю»²⁶. С другой стороны, сами эти народы использовали соперничество великих держав между собой в своих личных целях, в итоге сталкивая их между собой. Можно вспомнить и о том, что именно действия «тунгусского князя» Гантимура, который постоянно лавировал между Китаем и Россией, с легкостью переходя из одного подданства в другое, послужили одной из причин вооруженного конфликта между двумя этими странами в Приамурье. Схожая ситуация наблюдалась столетие спустя и на Алтае, где судьба тюркоязычных подданных Джунгарского ханства, бежавших после его разгрома китайскими войсками на неразграниченные территории средней части этой горной страны, долгое время являлась камнем преткновения в отношениях России и Китая на этом участке границы.

В то же самое время вклад коренных народов современного российско-китайского трансграничья в налаживание взаимопонимания между представителями двух государств также велик. «Взаимодействие России с Китаем на протяжении длительного периода осуществлялось при активном участии народов-медиаторов», считают историки²⁷. К таким народам-медиаторам можно отнести монголов, казахов, киргизов, маньчжуров и других. Во многом необходимость в их посреднических услугах вызывалась тем, что русским и китайцам было довольно сложно найти общий язык, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Попытка привлечь для этого иезуитов и перейти в ходе переговоров на латынь оказалась не слишком успешной. В условиях, когда ни русские, ни китайцы не владели речью друг друга, средством дипломатического общения между ними стал монгольский язык. В результате, даже в XX веке, в процессе согласования Цицикарского протокола 1911 года, стороны не просто взяли за основу монгольский текст Кяхтинского договора 1727 года, но также признали монгольский язык основным в работе комиссии. Не стоит забывать и о том, что обширный опыт взаимодействия с народами, населявшими регионы, расположенные в азиатской части страны, помогал российскому государству налаживать разносторонние связи с самим Китаем, ведь эти народы в свое время многое переняли от китайцев и в культурном, и в социальном, и в политическом отношении.

Нельзя назвать судьбу коренных народов региона трагичной, а их роль пассивной и в период после того, как разграничение между Россией и Китаем было фактически завершено и они оказались по разные стороны государственной границы. Скорее наоборот, делимитация привнесла в их жизнь позитивные перемены. С одной стороны, вплоть до второй половины XX века присущая трансграничью России и Китая пористость не препятствовала их достаточно тесным контактам с соплеменниками, оказавшимися по ту сторону линии разграничения. С другой — наличие за рубежом близких родственников, общий с соседями язык, ментальность и культура позволяли им выступать посредниками в ходе трансграничного взаимодействия двух стран и делать это с определенной выгодой для себя. Можно сказать, что сама граница и порожденная ею трансграничная общность являлись тем ценным ресурсом, который мог быть использован представителями периферийных народов в своих интересах до тех пор, пока их уникальное положение и навыки придавали им особую ценность в глазах центра. Некоторые, как, к примеру, буряты, воспользовались этим преимуществом довольно успешно. Как подчеркивает в связи с этим Шагланова, «буряты постепенно принимали на себя роль агентов государства и в конце концов, уже во времена Советского Союза, стали его основными агентами в приграничной зоне»²⁸. Другие же оставались лишь пассивными реципиентами того особого внимания центральных властей, которое доставалось им в силу их приграничного положения. Характерным в этом смысле является пример жителей советского Памира, которые пользовались многочисленными льготами и напрямую субсидировались из Москвы, придававшей особое значение развитию ситуации на чувствительной окраине страны, которая к тому же выступала витриной достижений социалистического образа жизни. Как только единое государство распалась, важность

региона для властей в Душанбе, не слишком озабоченных сохранением внешнеполитического престижа, резко упала.

Несмотря на то, что за последние несколько веков в национальном составе территорий, примыкающих к российско-китайской границе, произошли существенные изменения, вызванные, в частности, миграцией в эти районы ханьцев и русских, ее характерной особенностью до сих пор является наличие вдоль всей линии соприкосновения значительного числа представителей коренных народов. Формы институционализации этого присутствия на разных участках границы при этом различны. В одних районах коренные народы проживают дисперсно и уже давно растворены в русском и китайском населении. Здесь стоит упомянуть представителей коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока России, которые также проживают и на территории расположенного по ту сторону границы северо-востока КНР. К ним относятся эвенки, ороконы, нанайцы (хэчжэ) и корейцы. Где-то, как, например, на Алтае или в Забайкалье, национальные меньшинства обладают существенной национальной автономией, их присутствие здесь находит отражение в структуре государственного устройства. Можно также упомянуть Республику Алтай, Агинский бурятский округ Забайкальского края, который до недавнего времени был автономным, автономные районы Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский в КНР. Наконец, в Центральной Азии бывшие коренные народы российской части трансграничья обрели независимость и теперь напрямую выстраивают свои отношения с Китаем, при этом оставаясь в сфере военного и дипломатического влияния России, которая опосредованно также участвует в протекающих в регионе процессах.

При этом следует подчеркнуть, что независимо от степени автономности и независимости коренные народы российско-китайского приграничья в наши дни не в меньшей степени, чем в прошлом, играют роль проводников культурных и социальных влияний обеих стран. По сути своей они являются своеобразной «цитоплазмой» приграничья, которая наполняет собой буферное пространство разделенных мембраной государственных границ России и Китая культурным и социальным содержанием. Именно их участие в результате обеспечивает возможность плодотворного, но безопасного контакта между двумя столь сильно различающимися титульными этносами двух стран. Благодаря своему положению народов-посредников они становятся идеальными проводниками идей, ценностей, информационных потоков и даже товаров, как это происходит, к примеру, с шэнэхэнскими бурятами в Забайкалье²⁹. С одной стороны, они служат спайкой, объединяющей две страны в единое социально-культурное пространство, с другой — не допускают на линии соприкосновения серьезных конфликтов. Наличие подобного «активного буфера» в трансграничном пространстве России и Китая позволяет смягчать противоречия между жителями центральных районов двух крупнейших государств континента, помогая русским и китайцам избежать прямого контакта там, где он не является необходимым, при этом не изолируя их друг от друга полностью. В этом смысле можно утверждать: в то время как наличие цепи буферных зон служит предпосылкой мирного взаимодействия двух крупнейших государств Евразии на политическом уровне, насыщенность этих буферных зон представителями коренных народов региона является гарантией того, что эти самые буферные зоны не разъединяют две страны окончательно.

Сущность и функция: лимитрофная территория

Термин «лимитроф» в западной науке, как правило, используют лишь в отношении зависимых государств на границах Римской империи, в то время как в российских политических, околонучных и в научных кругах он обычно вызывает ярко выраженные негативные коннотации. Его используют, причем с легким оттенком пренебрежения, при попытке охарактеризовать роль и место государств Восточной и Центральной Европы,

расположенных вдоль западных рубежей России и служащих странам Западной Европы своеобразным *cordon sanitaire*. Между тем в понятии лимитрофа в том виде, в котором его ввел в научный оборот В. Цымбурский, обозначивший им промежуточное, буферное пространство между крупными цивилизационными или, скорее, культурно-историческими платформами, нет ничего априори негативного³⁰. С одной стороны, наличие полноценного лимитрофного пространства по периметру крупной страны может быть полезным, а иногда и критически необходимым как для ее собственной безопасности, так и для безопасности ее геополитического визави, служа обеим сторонам своеобразным амортизатором. Подобные пространства, которые могут ограничиваться отдельными приграничными регионами в составе национальных государств, но иногда включают в себя целые страны или даже группы стран, способствуют поддержанию мирных, сбалансированных отношений между двумя примерно равными по мощи геополитическими тяжеловесами, которые в противном случае могут легко оказаться в ситуации взрывоопасного конфликта. С другой стороны, те государства или районы, что расположены в пределах этого промежуточного пространства, также в состоянии извлекать существенные выгоды из своего уникального географического положения. Следует оговориться, впрочем, что это возможно лишь при условии того, что они смогут избежать соблазна отвергнуть свою двойственную природу, окончательно примкнув к одной из сторон³¹.

Как представляется, трансграничный пояс, сформировавшийся вдоль линии разделения России и Китая и протянувшийся от берегов Тихого океана до гор Памира, также может с полным правом быть назван лимитрофной зоной в том нейтральном значении, под которым она подразумевается у Цымбурского. К сожалению, в силу упомянутой выше привычки рассматривать лимитроф как нечто токсичное и неполноценное, эксперты склонны наделять населяющие эту чувствительную переходную зону между двумя странами народы не самыми благозвучными эпитетами³². На самом же деле, оказавшиеся волею исторических судеб на территории своеобразного геокультурного и цивилизационного водораздела Евразии этносы именно благодаря ему обретают свою историческую миссию народов-посредников, народов-медиаторов. Таким образом, именно он, в какой-то мере, является основой их современной идентичности. В свою очередь, они смягчают шероховатости во взаимоотношениях двух крупнейших государств континента и тем самым способствуют достижению глобального геополитического равновесия в его центральной части. Причем делают они это уже на протяжении довольно длительного исторического периода. Во многом благодаря этим посредническим усилиям отношения между двумя евразийскими гигантами остаются в общем и целом мирными. В этой миссии, безусловно, нет ничего достойного пренебрежения. Кроме всего прочего, необходимо отметить, что именно присутствие эвенков, нанайцев, бурят, тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов, памирских народов и монголов обуславливает само существование российско-китайского трансграничья как особой культурной и социальной общности, насыщая его содержанием и придавая ему уникальный, отличительный характер межгосударственной буферной зоны и, в какой-то степени, осевой структуры всего континента.

При этом сами эти народы, оказавшиеся в межграницном пространстве по воле истории, никогда не были и до настоящего времени не являются безвольными жертвами или пассивными бенефициарами истории взаимоотношений двух крупнейших государств региона. Во многом именно от их действий, решений и предпочтений зависела и до сих пор зависит конфигурация и динамика взаимодействия России и Китая. Другими словами, говорить о том, что они пали когда-то жертвой неподконтрольных им геополитических процессов, говорить не совсем корректно. Как правило, не утверждают этого и они сами, чем выгодно отличают себя от тех стран и народов, которые схожим образом оказались зажатыми между Россией и странами Западной Европы. Территория российско-китайского трансграничья остается зоной эффективного и взаимовыгодного сотрудничества, а не конфронтации. Возможно, в этом и состоит главное отличие и главное

преимущество восточного участка гипотетического «Великого Лимитрофа», о котором писал Цымбурский, по сравнению с западной его частью. Она, другими словами, одинаково благоприятно воздействует как на государства, которые она разъединяет, так и на народы, непосредственно это разделение реализующие. По этой причине сохранение российско-китайского трансграничья как последовательности буферных зон, населенных коренными народами, обладающими собственной миссией и собственной идентичностью, является задачей первостепенной государственной важности. Не менее важным являются и дальнейшее изучение и концептуализация накапливаемого здесь опыта, который, безусловно, может быть и должен быть востребован и в других подобных трансграничных регионах России.

1. «Часть бывшей советско-китайской границы стала границей между Китаем и новыми независимыми центральноазиатскими государствами — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном (3700 км)... В настоящее время российско-китайская граница состоит из двух участков — протяженного участка, на котором с провинцией Хэйлунцзян и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР граничат следующие субъекты Российской Федерации: Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская и Читинская области (4325 км), и небольшого участка границы между республикой Алтай и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (55 км)» (цит. по: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. Волгоград: НОФМО, 2002. С. 180).
2. В связи с этим можно вспомнить конфликт вокруг о. Даманский, который произошел в 1969 г. и поставил на грань полномасштабной войны два крупнейших социалистических государства мира того времени.
3. *Ларин В.Л.* Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. Т. 60. № 12. С. 69.
4. Исторический аспект проблемы, к примеру, подробно рассмотрен: *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XIX вв. М.: РИО Мособлупр-полиграфиздата, 1996. 482 с.; *Он же.* Особенности становления договорных отношений России с Китаем // *Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916)* / под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2004. С. 3–43; *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 215 с. Большое количество информации содержится и в коллективной монографии, посвященной истории российско-китайских отношений: *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений* / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
5. См., например: *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2001. 335 с.
6. *Рыжова Н.П.* Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // *Вестник ВолГУ.* Сер. 4. 2008. № 1 (13). С. 107–114.
7. *Wilson T., Donnan H. (eds.)* Border Identities. Nation and State at International Frontiers. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 301 p.
8. *Мясников В.С.* Россия и Китай: историческое прошлое, современность и перспективы отношений (Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем) // *Российско-китайские исследования.* 2017. Т. 1. № 1. С. 10–21.
9. См., например: *Frontier Encounters. Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Borders* / Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.). Cambridge: Open Publishers, 2012. 282 p.; *Ивасита А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. 333 с.
10. *Колосов В.В.* Теоретическая лимология: новые подходы // *Международные процессы.* 2003. Т. 1. № 3. С. 44–59.
11. *Shaglanova O.* The “Borderlands Milieu” between Russia and Mongolia: A History of Settlement and Transnational Interactions // *Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.)* Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies. Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 124.

12. «В социально-экономическом отношении российско-китайская граница проходит по периферийным районам обеих стран... Причем с российской стороны располагаются значительно менее населенные и освоенные территории. В российских приграничных регионах (Республика Алтай, Приморский и Хабаровский края, Читинская и Амурская области, Еврейская автономная область) проживает 6,3 млн человек, или 4,3% населения страны. В приграничных китайских регионах (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Автономный район Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян и Гирин) проживает почти 110 млн человек (8,5%). Российские приграничные регионы дают около 3,7% валового регионального продукта страны (1999), а китайские 8,8% ВВП Китая (2000)». Цит. по: Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. Волгоград: НОФМО, 2002. С. 180–208.
13. *Ларин В.Л.* Указ. соч. С. 70.
14. *Cheng Yang.* State-Managed Integration as a Contributor to Regional Development: The Cooperation Program between China's Northeast and Russia's Far East and Eastern Siberia (2009 to 2018) // Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) *Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 38.
15. *Casati R., Varzi A.C.* Holes and Other Superficialities. Cambridge (MA): MIT Press, 1994. 264 p.
16. См., например: История внешней политики России. Конец XV — XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с. Рассуждая об особенностях внутренней политики Китая на северо-восточных рубежах, историки говорят о том, что важность периферийных районов Маньчжурии диктовалась им соображениями сохранения промежуточной, буферной зоны для защиты границ от нападения потенциальных противников.
17. История внешней политики России. Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
18. «После завоевания маньчжурской династией Цин Джунгарии и Восточного Туркестана в 50-х годах XVIII в. и образования на их месте наместничества Синьцзян цинские власти выставили на границе с Казахстаном, Киргизией и Горным Алтаем три типа караулов (калуней): постоянные, обозначавшие собственно пределы Цинской империи, передвижные или сезонные и временные, задача последних заключалась в том, чтобы контролировать ситуацию в приграничной полосе и не допускать кочевников к границе Китая» (цит. по: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. С. 43). Именно эти пикеты, обозначавшие, по сути, буферную зону, примыкающую к границе страны, в дальнейшем превратились в предмет спора между представителями России и Китая, ибо китайцы настаивали на том, что они и после подписания договора о разграничении должны обладать суверенитетом над этими, ничейными по сути своей, землями.
19. *Urbansky S.* Tokhtogo's Mission Impossible: Russia, China, and the Quasi-independence of Hulunbeir // *Inner Asia.* 2014. Vol. 16. Is. 1. P. 64–94.
20. *Bille F.* Phantom Pains in Manchuria: Dreams, Projection and Nostalgia // Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) *Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 73–75.
21. Российский историк Галенович следующим образом характеризует те земли, по которым, в итоге, прошла линия разделения: «Граница между Россией и Китаем — это рубежи, размежевывающие территории, которые изначально не были землями собственно русских или собственно ханьцев» (цит. по: *Галенович Ю.М.* Указ. соч.)
22. *Sasaki Sh.* A History of the Far East Indigenous' Peoples' Transborder Activities between the Russian and Chinese Empires. // Konagaya Yu., Shaglanova O. (eds.) *Northeast Asian Borders. History, Politics and Local Societies.* Osaka: National Museum of Ethnology, 2016. P. 163–193.
23. Вот так, к примеру, описывает российский историк Моисеев процесс разграничения, проходивший в Центральной Азии в XIX веке: «...следует сказать, что и Россия и Цинская империя делили земли других, покоренных или присоединенных ими в разное время народов (интересы которых были проигнорированы договаривающимися сторонами), а не свои этнические территории» (цит. по: *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 61).
24. *Sahlins P.* State Formation and National Identity in the Catalan Borderlands during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Wilson T., Donnan H.* Op. cit. P. 31–61.

25. «В этих областях обычно очень сложно или даже невозможно провести черту между проживающими по соседству народами, основываясь на их этнической или культурной отличительности» (цит. по: *Мартынова М.Ю.* К вопросу об изучении пограничных территорий // *Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья*. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 11).
26. *Моисеев В.А.* Указ. соч. С. 49.
27. *Мясников В.С.* Россия и Китай... С. 13.
28. *Shaglanova O.* Op. cit. P. 139.
29. *Михалев М.С.* Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // *Известия лаборатории древних технологий*. Т. 13. № 4. С. 108–120.
30. *Цымбурский В.Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.
31. Данная проблема стала особенно актуальной для стран Балтии, а также Украины, Белоруссии и Молдавии в контексте глобального политического, экономического и идеологического противостояния России и стран ЕС. В свою очередь это способствовало тому, что теоретические аспекты приграничья всерьез интересуют ученых из этих стран, занятых поиском выхода из, как многим кажется, геополитической ловушки, в которой они оказались. Подробнее см.: *Титаренко Л.Г.* Теории пограничья // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI. № 2 (67). С. 28–48; *Беспмятных Н.Н.* Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / ред. М.А. Можейко. Минск: РИВШ, 2007. 404 с.
32. Один из примеров такого отношения можно обнаружить и в упоминавшемся выше исследовании, посвященном новым границам России: «Таким образом, советско-китайская граница формировалась на лимиторфных (по В. Цымбурскому) территориях, населенных народами, меньшими по численности и отстававшими от России и Китая в культурном отношении» (цит. по: *Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России* / ред. Л.Б. Вардомский, С.В. Голунов. Волгоград: НОФМО, 2002. С. 139).